

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ: ПРИЗНАКИ, МЕХАНИЗМЫ, УРОВНИ

Л. Л. ШПАК

ШПАК Лидия Леонидовна - доктор социологических наук, профессор Кемеровского государственного университета (E-mail: shpack@kemsu.ru).

Аннотация. В статье предлагается социологическое понимание социальной дезадаптации как инструмента воздействия на кризисные условия сосуществования людей. Автор характеризует некоторые теоретико-методологические вопросы изучения феномена во взаимосвязи с процессами адаптации, использования его механизма.

Ключевые слова: социальная дезадаптация * адаптация * признаки дезадаптации * адаптивные возможности * иллюзии и заблуждения * выживание или распад

В последние годы появились публикации, затрагивающие социальные, социокультурные и политические факторы, влияющие на течение и исход дезадаптивных процессов. Однако в целом данный феномен изучен еще фрагментарно, без глубоких обобщений. Сейчас можно выделить несколько подходов к его анализу: сферный, средовый, функциональный, системно-институциональный, деятельностный (поведенческий), компенсаторный, инструментально-фалиситационный и др.

Постепенно утверждаются и получают распространение несколько основных трактовок дезадаптации. Во-первых, дезадаптация рассматривается как противоположность адаптации, соответственно, она предстает как результирующая часть единого процесса свертывания адаптации. Происходит замена свойства адаптированности на дезадаптированность. Надо признать, что в такой трактовке преобладает механическое восприятие дезадаптации, подчеркивается последовательная смена завершеного адаптивного цикла на прямо противоположный цикл, соответствующий изменившимся условиям деятельности субъекта. Во-вторых, есть трактовки дезадаптации как сопутствующего процесса, требующего определенной синхронизации с адаптивными процессами в тех моментах, которые представляют своего рода "точку напряжения" из-за несовместимости новых условий и старых привычек, индивидуальных или групповых поведенческих образцов. В-третьих, дезадаптация в конкретной социальной среде является тревожным сигналом слабой интегративной силы социума или непригодности среды, сферы жизни для инклюзии субъектов. Освоенный ранее механизм во взаимодействии со средой, исполнения деятельности на основе усвоенных культурных универсалий не срабатывает в иной обстановке, в иных системах социальных отношений. Такая трактовка дезадаптации обычно связана с процессами социализации, установлением интеграционной меры.

Главным для соединения субъективно воспринимаемых процессов жизни на локализованном уровне и трансформации личных усилий человека в социально закрепленные образцы деятельности становятся своеобразные "приводные ремни": адаптивные и дезадаптивные механизмы, коммуникативные инструменты, обеспечивающие либо "связанность" населения, либо его разобщенность, дезинтеграцию, развал сложившихся социальных связей и отношений.

Под *адаптацией* автор статьи понимает более узкий процесс, чем социализация, но в то же время это универсальный процесс, охватывающий всё многообразие жиз-

ни, когда в нем появляются заметные изменения, нарушающие привычное течение повседневности. По отношению к социализации адаптация выполняет субсидиарно-вспомогательную и инструментальную роль, выступает в роли механизма "очеловечивания биоособи" и ее гражданского становления, высвобождения усилий человека для соучастия в житнетворчестве, сосуществовании с другими людьми.

Что касается *социальной дезадаптации*, Н. Е. Яценко, к примеру, считает, что это "частичная или полная утрата человеком способности приспосабливаться к условиям социальной среды". Такое утверждение верно лишь отчасти. Во-первых, полная дезадаптированность означает для человека полную деградацию или невозможность выживания в любой социальной среде. Но человек, как известно, способен на некоторое время приспособиться даже к экстремальным условиям существования. Во-вторых, способность к приспособлению развивается на базе природных возможностей человека, мера проявления этой способности зависит не только от состояния и масштабов социальной среды, но и от степени соответствия этой среды личному опыту человека, его индивидуализированным практикам сосуществования и взаимодействия с другими людьми.

Роль заблуждений в адаптации/дезаптации. Жизненные обстоятельства не сводятся только к физическому состоянию людей, их материальным возможностям. Факторное воздействие на адаптивно-дезадаптивные процессы и состояния людей оказывает общественное сознание на разных уровнях его организации (от индивидуально-личностного до общечеловеческого). В общественном сознании и в повседневном быту сохраняются так называемые добросовестные заблуждения. Они становятся органической принадлежностью обыденного сознания, контролируемого институтами. С одной стороны, для развития общества необходимо укреплять институты и устойчивостью их функционирования доказывать населению верность стратегий развития, эффективность органов власти и всего обустройства жизни в национально-государственных границах. С другой, - институты со своими учреждениями, правилами, санкциями отодвигают гражданские инициативы, сужают пространство для развития самостоятельных начал организации жизни, порождают иллюзию благополучия там, где уже обозначились точки разрыва.

Следует обратить внимание и на то, что глобализация экономик, образовательных систем, экологического взаимодействия, военно-политических союзов и т.д. порождает иллюзию тотальной защищенности человека от различных угроз: региональные и общемировые объединенные и отлаженные структуры, способные принять решения и оптимизировать есть всегда, если не разрешить окончательно, нестандартную ситуацию. В то же время участники такого геополитического взаимодействия вынуждены порою поступаться частью своих национально-государственных интересов, что порождает внутрисоциальные трения, напряженность и даже резкие социальные, военные и политические противостояния. Мы иллюзорно верим в рыночную экономику - и получаем дикий капитализм 1990-х годов, надеемся на прочность геополитических и финансовых традиций продвинутых стран коренной демократии - и получаем мировой финансовый кризис.

И все же: выполняют ли заблуждения, социальные иллюзии некую компенсаторную роль в тяжелых жизненных обстоятельствах? Дают ли они облегчение при страданиях, в ситуациях неизвестности? Помогают ли отодвигать горькую и оглушающую правду жизни? Прибавляет ли иллюзорность что-то к желанному состоянию благополучия? Мы преодолели страхи, отчуждение, потерянность и растерянность, неверие и ежедневные тревожные ожидания, характерные для общества в 1990-е годы. Мы выжили, хотя и не все, мы выстояли, не оказались на коленях, выдержали унижительное положение полуголодных, обездоленных и ослабленных людей. В то же время интеллектуальная и поведенческая амбивалентность есть политический след от пережитой нами беды, от слома привычных укладов и образа жизни, от идеологического нигилизма 1990-х гг., от шоковой терапии без обезболивания, роковой приватизации, совмещенной с коварством и ограблением.

Одно дело - засилье иллюзий или нарочитое насаждение их в народной среде с помощью средств массовой коммуникации или доверенных лиц, умело расставленных на статусно-должностной иерархической лестнице. Другое - пребывание в иллюзорном состоянии как своеобразная временная мера, продлевающая жизнь. Нельзя отрицать, что тонкий механизм социальных иллюзий оставляет шансы к примирению, бескровному выходу из трудных жизненных обстоятельств, приносит временное облегчение страданий. Социальные иллюзии играют противоречивую роль в повседневной жизни населения. Реальность такова, что социальные иллюзии выполняют частные функции, специализированные в процессах реадaptации: защитную, компенсаторную. С их помощью создается постепенный, смягченный, щадящий режим выхода из дезадаптации. Нужно согласиться, что иллюзорное сознание парадоксального человека в принципе не приносит обществу пользы и не дает спасения от многих тягот жизни¹.

Разнообразие социальных дезадаптаций и задачи социологов. Я поддерживаю точку зрения о многоликости дезадаптационных процессов и о разнообразии функционального назначения дезадаптации. Такой подход синтезирует отмеченные выше трактовки дезадаптации и позволяет отойти от однозначного ее толкования.

Довод первый. Дезадаптация является следствием разрушения адаптированности - к возникшим ситуациям, к конкретным формам деятельности, к сложившимся воздействиям и регуляциям, к укладу жизни и способам самореализации человека в определенном жизненном пространстве, - словом ко всему, что обобщенно можно назвать адаптацией к жизни. Не было адаптированности - нечего и разрушать, будут идти другие процессы или своим ходом будет осуществляться адаптация.

Природа человека была предусмотрительна: в самой адаптации заложен потенциал адаптивных способностей, позволяющих человеку осуществлять саморегуляцию и в расходовании жизненных сил и энергии, и в их перераспределении при необходимости. На мой взгляд, любые адаптивные процессы должны сопровождаться моментами дезадаптации. Приспособление, приноровление, привыкание к обстоятельствам сосуществования и условиям деятельности требуют видоизменения форм самовыражения человека, адекватного реагирования на некие новые вызовы со стороны "других". В этом проявляется инструментально-вспомогательная функция дезадаптации. Дезадаптация выступает в роли положительного инструмента, своего рода "чистильщика" и регулятора адаптивного процесса, устраняющего адаптивные сбои.

Довод второй. Дезадаптация может быть относительно самостоятельным процессом, протекающим вслед за первичной или производными адаптациями. Этот вариант протекает как болезнь (социальная или психологическая, психическая). Происходит сначала временный, неустойчивый разлад между привычным, освоенным, автоматически исполняемым и тем, что требуется в изменившихся условиях. Это возможно, когда резко меняются качественные признаки среды (совокупности условий жизнеосуществления и сосуществования с другими людьми), сферы деятельности, технологий взаимодействия по значимым проблемам жизни. Рассогласование интересов и действий, отчуждение от теперь неузнаваемой среды и ранее привычных правил людей одной профессии или "одной крови" могут быть настолько не соответствующими со всей жизненной подготовкой, что человек теряется, в страхе отступает перед барьерами, уходит в себя. Например, Мишель Фуко описал клинику, надзор и дисциплинарное общество как триаду, отражающую жесткую привязку человека и его личностного достоинства к требованиям общества. В итоге продуктом такого воздействия может быть человек, неминуемо попадающий в число пациентов клиники (по М. Фуко) или в палату N 6 (по А. П. Чехову).

Довод третий. Дезадаптация как момент творчества, реализации инновационных устремлений субъекта. Креативные способности человека базируются на маневренности его адаптивных способностей. Человек, с жадностью обновляющий свою соб-

¹ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.

ственную жизнь и преобразующий условия существования других, остро чувствующий востребованность или невостребованность собственного творческого потенциала, может жить полнокровной жизнью только в инновационной среде и в окружении соратников, единомышленников. Создание такой среды - дело трудное, означающее разрушение творческих устремлений, разочарование в людях, переживание утрат. Преодоление приводит к растрате жизненных сил, усталости.

Социологические исследования по нашей проблематике могут быть сгруппированы по критерию тематической направленности следующим образом: деформация условий существования и ее социальные последствия; маргинальные статусы людей в изменившихся обстоятельствах жизни; бедность, обнищание и их влияние на устои общества и поведение людей; социальная политика и ее дифференциация в интересах слабо защищенных и обездоленных категорий населения; депривация и эксклюзия как формы дезадаптации; социальные лики дезадаптированности.

Социальная дезадаптация имеет разную степень "глубины" поражения своих носителей. Можно выделить 4 уровня, отражающих глубину дезадаптированности человека. *Нижний* ("ядровый") - это скрытый, латентный уровень проявления признаков дезадаптации. Еще нет итоговых, результирующих признаков дезадаптированности. *Второй уровень* условно назовем *половинным, неустойчиво восходящим*. Появляются дезадаптивные "пертурбации", ирритации (Н. Луман). Некоторые отклонения становятся возвратными: то возникают, обнаруживают себя, то исчезают, чтобы всплыть вновь. Эти эмерджентные состояния не означают установления ритма, пульсации проявлений. Это рождение будущих состояний из корневых источников дезадаптивного потенциала организма, заложенного природой в нашей телесности, психофизиологической организации жизнедеятельности человека, в соединении с интеллектуально-креативными возможностями субъекта. Латентно существующие дезадаптивные усилия закрепляются в фиксированные приемы и поступки, высвечиваются как очевидности, обнаруживаются не только социокультурным "взглядом" общества, но и актуальным обыденным сознанием в конкретно-тематизированном пространстве отношений. *Третий уровень* является *устойчиво восходящим*, отражающим глубину, достаточную для разрушения прежних адаптивных связей и механизмов. *Четвертый* - это закрепившаяся, вполне *развернутая дезадаптация*, имеющая очевидные признаки результативности, т.е. дезадаптированности субъектов.

К признакам социальной дезадаптированности относятся: (1). Неустойчивость прежних социальных связей, имеющая тенденцию к их разрыву. (2). Нарушение ритмов повседневных процессов, системно сложившихся взаимодействий и соучастия (бытовых, профессиональных, кровнородственных, политических, социокультурных) (3). Сужение диапазона и интенсивности привычных видов занятости во вне рабочее время (бытовых и семейно-родственных нагрузок, форм и способов проведения свободного времени, волонтерской деятельности и т.д.). (4). Сокращение с тенденцией к прекращению привычных масштабов социальной мобильности, в том числе и "маятниковой", для организации общения по интересам. (5). Утрата (лишение, депривация) лично значимого перестает восприниматься как горестное, невозможное явление. Происходит привыкание к утрате, субъект приобретает своеобразную "окаменелость". Исходом может быть либо активизация взаимодействий по реализации социально значимых интересов и стратегий ("пусть хотя бы другим будет хорошо"), либо отстраненность от всего, самоизоляция, дистанцирование от сложившихся связей и отношений. (6). Притупляется с тенденцией к исчезновению прежнее свободное владение измерительными инструментами в освоенном ранее жизненном и социальном пространстве, в том числе и закрепленном территориально (кратность и продолжительность встреч, гостевых посещений, загородных поездок, частотность пребывания в конкретных рекреационных зонах во время отпусков или в выходные дни, отвыкание от излюбленных пешеходных маршрутов в пределах города, забывание местных неофициальных укороченных проходов в жилых массивах города, тайных (только для местных) тропинок в лесных массивах или горах - для сельских жителей).

Переломы в жизни влекут за собой надломы в душах, изломы в привычных структурах, системно встроенных образований, фиксированных конструкций, обеспечивающих устойчивость сосуществования людей в обществе, не только в конкретной социальной среде. На мой взгляд, именно в кризисные моменты нужно бросить научные, материально-финансовые и иные ресурсы общества на профилактику и реабилитацию обездоленных незащитных людей и на перевоспитание очерствевших людей из числа несправедливо разбогатевших категорий населения.

Ю. А. Левада связывал проблему приспособления к условиям среды с дилеммой: выживание или распад. Характеризуя тип советского человека, он относил необходимость тотального приспособления к ситуациям крутых переломов в общественной жизни, когда "обстоятельства заставили приспособляться к новой жестокой реальности и ее внутренним оппонентам, и надеявшихся остаться в стороне", а "безальтернативность придавала всеобщей приспособленности значение привычки, т.е. нерасчлененной и не подлежащей анализу массово-поведенческой структуры". Левада на основании критериев "отношение к переменам" и "статус в условиях перемен" выделил такие эмпирические типы адаптации, как "повышающая", "понижающая", "изолирующая", "разрушающая"².

В социологической практике 1990-х закрепились такие типы социальных групп, как *"вынужденные рыночники"* (рынок не понимают и не принимают, но практически втянуты, например, в "челночничество" ради выживания семей), *"абсентеисты"* (лица, систематически игнорирующие выборы), *"подсвечники"* (бывшие атеисты, ставшие посетителями церкви из опасения, "а вдруг он есть"); старая *партсовноменклатура* в демократических одеждах, из карьерно-престижных соображений оказавшаяся "в народе"; *новые бизнесмены* с "колючим" опытом, замаливающие грехи с "большой дороги").

Криминализация общества в 1990-е годы привела к потере многих ценностей, освященных традициями сосуществования. Социальная ориентация вдруг стала не модной, а разгульная демонстрация потребления - признаком новых возможностей. Сегодня как никогда нужно разрабатывать методики социально-педагогического вторжения в общественную жизнь, открывать "народные университеты" для чиновников и людей бизнеса, прививать вкус к социальной ориентации деловой и повседневной семейно-бытовой жизни.

Социологам следует учитывать предрасположенность различных групп и категорий населения к протестным действиям, причем в конкретном экономическом, политическом и социокультурном контекстах жизни. В годы социальных смут, революционных потрясений, публичных политических расправ, разрухи хозяйства страны, в годы локальных военных конфликтов и мировых войн российские крайние маргиналы, представляющие, по существу, социальное дно, находились в такой степени физического и духовного опустошения, что были на грани вымирания или вынужденного ухода из жизни. Деадаптация сохраняется в семейно-родовой памяти поколений и провоцирует социальный реванш.

Устойчивость к повреждающим влияниям, т.е. разного рода травмирующим внутренним и внешним воздействиям, становится "сквозным" признаком, стержнем раскочки, расшатывания адаптивной системы, началом мобилизации дезадаптивного механизма данной системы. Заражение адаптивной системы, ее начальные деформации в основном вызваны отклонениями в привычном информационном обмене. Нехватка информации, неумелое ее преобразование, несвоевременное обновление стабильных форм и способов коммуникативных взаимодействий приводят к сбоям в информационном обеспечении взаимосвязанных элементов и подсистем. Адаптивная система вынуждена не сразу, но распахнуть ворота перед натиском дезадаптивных явлений, с которыми приходится справляться механизму дезадаптации.

² Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5 - 24.

В политике, например, основными признаками дезадаптивных процессов могут быть: резкое дистанцирование от любых форм политического участия; отказ от инициативного исполнения тех обязанностей, которые человек берет на себя в силу инерции, сформировавшихся привычек повседневной жизни, откат к исполнительству; негативное и безучастное отношение к политическим нововведениям; исход из социально-ресурсной базы политических нововведений; сокращение времени, затрачиваемого на политическое самообразование; отказ от использования средств массовой информации (в т.ч. телевидения) как референтов по вопросам политики; снижение и/или утрата доверия к людям власти и государственным институтам.

Многоуровневость сложившейся общественной жизни вынуждает исследователей определять контрмеханизмы, с помощью которых социальные институты и объединения людей, действующие нередко на жизненном принципе самоорганизации, формируют антикризисные условия сосуществования и выживания в обществе. Политическое значение приобретают политики в сфере труда и занятости населения, а также собственно социальная политика государства. Институты государства и государственной власти призваны использовать социальную политику в интересах сохранения национально-государственной целостности, социального развития личности, сохранения интеллектуального потенциала общества для стратегически осмысленного инновационного прорыва. Конечно, социальная политика служит одновременно и аргументом в оппозиционных стратегиях, и способом удержания власти, но основное ее назначение - поддержание жизни, взаимодействия и баланса дифференцированных интересов в обществе.

Социальная политика указывает на средства достижения благосостояния и на компенсации, восполняющие определенным категориям людей жизненные неудобства или утрату положенных благ и услуг. Она вынуждена считаться с текущими запросами населения и одновременно с необходимостью удовлетворять потребности с учетом законов их возрастания, усложнения и с жизненными фактами свертывания потребностей.

Историческим оселком для восстановления адаптивных способностей личности и объединений людей является жизнеутверждающая перспектива социального развития, преодоления кризисных ударов, своевременного исправления политических и экономических "линий", ошибок и просчетов.